

Алексей Лес

МОНТАЖ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Лес

Монтаж

«ЛитРес: Самиздат»

1990

Лес А.

Монтаж / А. Лес — «ЛитРес: Самиздат», 1990

Из чего состоит жизнь писателя? Наверное, из некоторого количества взглядов, брошенных в окно, когда пальцы устают отбивать ритм на клавишах. Эта книга, как взгляд с самого дна куда-то вверх. Описание нравов, быта и мыслей современной России. Трущобы окраин и дворцы Петербурга, как декорации. Работяги, отчаявшиеся женщины, как актеры. Можно ли смотреть за горизонт без содрогания? Можно ли любить женщин без боли? Можно ли жить, зная, что все равно умрешь? И что в итоге теряет хрупкая душа художника в схватке с реальностью? Такие вопросы задает себе писатель...Содержит нецензурную брань.

© Лес А., 1990

© ЛитРес: Самиздат, 1990

Содержание

Монтаж	5
Квербит	10
СЗГМУ им. И.И. Мечникова, клиническая больница им. Петра Великого	14
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Монтаж

Мы кое-как выбрались наружу. Дверь захлопнулась, отрезав звуки заполненного бара. Ветер подтолкнул в спины, и мы двинулись прочь. Уже стемнело и улицу расчертили тени фонарей. Город засыпал, если конечно это месиво из людей, гранита и изящных дворцов умеет спать в летнее время года.

Она повисла на мне пьяным ангелом. Женщины... Сначала они храбрятся, но стоит поддать газу и вот ты уже пьешь в одиночестве, пока она мирно посапывает, уронив гладкую щеку на полированную столешницу кофейного оттенка. Мы двигались от Садовой, шурша по стенам домов. Этот путь я бы прошел с закрытыми глазами. Один и тот же бар, одна и та же женщина, одна и та же дорога вот уже несколько месяцев.

Я помню, тогда было лихое время. Чего я хотел от жизни? Величия, денег, атласных поклонниц, сверкающих глазами во мраке моей комнаты. Чего еще может хотеть молодой писатель? Изменить мир, проорать что-то людям в самые уши? Едва ли. Естественно я был гением – непризнанным, мрачным, возвышенным над суетой. Я шагал со своей ношей на утяжеленных ногах. Все те, кто попадались навстречу, были не лучше. Один бедолага даже не мог идти, он стоял, широко расставив ноги и вытянув руки параллельно земле. Весь его последний выхлоп уходил на поддержание равновесия. Дойдя до набережной, я прислонил Кэт к железной оградке, с наслаждением закурил. Она уже бесстыдно спала, предоставив мне решать вопросы транспортировки. Ночь была теплой, легкий ветерок шевелил подол ее хлопкового бежевого платья. Я курил, пропуская город сквозь легкие, смотрел на воду, слушал, как она плещется о гранитные глыбы. Хорошо... Мимо бродили маньяки, некоторые из них с интересом поглядывали на Кэт. Я забычковал самокрутку и снова положил мою даму на плечо.

«Хорошо бы такси вызвать, – подумал я. – Жаль только денег нет...» В кармане шуршали две последние мятые бумажки. Нужно было искать чертову работу.

В графе образование я указал: «Высшее». В графах семейное положение и количество детей можно было написать следующее: «Уважаемый, будущий работодатель, с сожалением сообщаю вам, что крепко ухватить меня за яйца не получится. Максимум, нежно придавить». Далее шли хобби, навыки, пожелания к месту работы, расположению, личные данные, фотография. Я выбрал ту, где был еще трезв и в костюме на свадьбе.

Мне позвонили через неделю и пригласили на собеседование. Фирма занималась установкой холодильных систем с нуля. Что ж, рано утром я спустился под землю вместе с другими счастливицами. Людская лавина пронесла меня через вестибюль, я чудом уцепился за мраморную колонну и дождался прихода поезда. В вагоне метро над дверьми висело объявление о приеме на работу на завод известной автомобильной марки.

Приглашаем на работу мужчин от 18 до 35

Требования:

– Готовность к монотонному физическому труду

– Отсутствие медицинских противопоказаний

– Наличие всех необходимых документов

Построй свое будущее вместе с нами!

Кажется, все это уже когда-то было... Я достал ручку и нарисовал справа пузатого надсмотрщика с хлыстом в руке. А ниже написал:

Построй Великие пирамиды вместе с нами!
Построй Карфаген вместе с нами!
Построй Рим вместе с нами!

На Площади Восстания светило солнце, людские потоки закручивались в водовороты, неосторожных уносило и больше их никто никогда не видел. Рядом с метро стоял парнишка с чемоданом и со своей девчонкой. Белая табличка у него в руках говорила о том, что этим двоим необходимы деньги на билет домой. Парень зевал, а девица ловко тарабанила пальчиками по экрану телефона. Крепкий мужик в кожаной куртке незаметно приблизился, косолапя, и что-то прошипел. Работники взбодрились, девушка убрала телефон, приняла горестный вид и покаянно склонила голову набок, как Мария Магдалина.

Я быстро нашел офис, он располагался в здании старого фонда из красного кирпича. Приемная производила впечатление – кожаные диваны, стеклянные перегородки, картины на стенах. Везде чувствовался достаток. Из-за длинной деревянной стойки выглядывали две аккуратные женские головки. Я подошел и показал паспорт.

– Одну минутку, – сказала блондинка с хвостом, стянутым на затылке, очки она носила без оправы. Ее пальцы застучали по клавишам, затем она посмотрела на меня с интересом, снова выбила дробь, взглянула второй раз, но уже холодней на два градуса.

– Подождите на диване. Кофейный автомат слева у входа.

Что она там вычитала? Может быть там было написано, что я писатель? Я сел на диван, после вчерашнего тошнило, на губах до сих пор ощущался вкус дешевой помады и среднего по цене коньяка. Кофе тут не обойтись. Из кабинета в кабинет сновали люди в деловых костюмах, женщины в черных юбках несли свои скульптурные жопки по делам. Офисные суки – высший класс. Насмотревшись за целый день на лощеных мальчиков в приталенных костюмах они время от времени здорово клевали на увальней вроде меня с дырой в кармане и небритым лицом. За ними проносились запахи дорогих духов и не разрушенных надежд. Я чувствовал себя здесь лишним в своих растоптанных ботинках, в рубашке без верхней пуговицы, с похмелья...

Прошло двадцать минут, я задремал. Кто-то грохнул ящиком стола, я очнулся и пошел к автомату с кофе. Монеты по рублю, два и десять не принимались. Я вернулся к стойке.

– Милая, разменяй полтинник по пять, пожалуйста.

Она посмотрела на меня со злостью, сразу став некрасивой и старой.

– Здесь вам не продуктовый.

– Но...

– И не столовая.

Я сунул полтинник в карман и вернулся к дивану. В приемную вышла взрослая измученная оболочка человека в сером пиджаке, и подошла к стойке. Блондинка недовольно ткнула в мою сторону пальцем и сморщила нос. Он подошел ко мне.

– Алексей?

– Да

– Прошу за мной

Мы поднялись на два этажа и очутились в просторной переговорной с большим столом. На одном из стульев скучал какой-то парень лет тридцати. Я сел напротив, а мой сопровождающий рядом с парнишкой. Тот, что постарше выглядел странно. Лицо было узким и желтоватым, губы плющили одна другую, выдавливая наружу шматки мяса, глаза были прозрачными, они отбрасывали блики по стенам. Он походил на большую рыбу.

– Чагин Константин Петрович – начальник отдела пуско-наладки, – представился он. – А это мой заместитель по техническим вопросам, Кузнецов Евгений Александрович.

Мы пожали руки. Я опустился на свое место и стал изучать заместителя. Передо мной сидел человек с внешностью идеального шпиона: ровный нос, симметричные глаза, аккуратные ушные раковины, небольшой подбородок, средний лоб, ослиная стрижка. Лицо было стандартным и дешевым, как его костюм. Вид он имел нагловатый – эдакий клубный кутила при окладе в тридцать тысяч. Коктейли по акции, отчаявшиеся женщины.

Константин Петрович взял в руки мое резюме, подумал и решил начать с идиотских вопросов.

– Ну-с, какое образование?

– Высшее

– Хорошо-хорошо

– Специальность?

– Холодильная, криогенная техника и кондиционирование. Инженер.

Он словно бы сомневался, что листок мой и проверял, будто поймал в лесу в 42-м и держит в руках мою красноармейскую книжку.

– Инженер... Отлично, да, Женья?

– Лучше не придумашь... Инженеров до жопы, – отреагировал заместитель.

– Ну ты уж не преувеличивай, Евгений Александрович, но хватает-хватает, это правда, – сказал Чагин, улыбнулся и посмотрел на меня.

Я тоже выдавил улыбку и кивнул, а про себя подумал: «Какого же черта вы меня тогда позвали?» Гадать долго не пришлось.

– Понимаете, Алексей, – начал он, – наша профессия довольно сложная и требует обширных знаний механики, электроники и, само собой разумеется, холодильной техники. Все наши инженеры начинали, так сказать, с азов. То есть, для начала вам нужно поработать монтажником, чтобы вы могли видеть, весь процесс создания холодильной установки, так сказать. Понимаете?

– Конечно.

– Так вот, обычно около трех лет наши новички занимаются монтажом. Это разнообразнейшая и интереснейшая работа. Наши монтажники делают все. Заливают фундамент, устанавливают агрегаты, проводят электричество, бывает даже место приходится расчищать под установку. Последний раз наши парни ездили в Нарьян-Мар. Леса там, я вам скажу... Правда, Женья?

– Леса будь здоров, – сказал Женья, – много пил там сломали.

– Точно, да, леса что надо. Еще пару лет у вас уйдет на освоение пайки труб, и при должном усердии мы вас переведем под начало пуско-наладчика. Самостоятельно мы вам не доверим проводить такие работы, но вы сможете учиться у самых лучших. Ну вы же понимаете?

– Само собой.

– Хорошо! – обрадовался рыба. – Примерно, к тридцати пяти годам, если появится окно в штате, мы будем готовы перевести вас на самостоятельную пуско-наладку. Бывает конечно, что и ночью дергают, да и по выходным тоже, но деньги неплохие, да Слав?

– Хуйня вопрос, – сказал заместитель и с безразличным видом уставился в окно.

– Точно-точно, лучше и не скажешь. Ну как, беретесь?

– Я...

– Нет-нет, – перебил рыба. – Сразу не отвечайте. Подумайте за выходные и позвоните мне. Вот мой номер.

Он протянул мне визитку, я пожал ему руку, проигнорировал руку заместителя и вышел вон. На улице я с наслаждением вдохнул воздух и выкинул визитку в урну.

Время шло, телефон звонил совсем редко и, в основном, по поводу возврата долгов. Я уже начал тревожиться, поглядывая на полку, на которой была только мелочь на проезд. Возможно парень сверху вмешался и мне в очередной раз предложили работу. Голодная смерть откладывалась на потом.

В отличие от первого места красоток здесь не было. Я сидел в приемной и фиксировал разные мелочи: девушка прошла, шелестя юбкой, курьер провез тележку с документами, потянув за собой шлейф недоброго поила, сквозняк из распахнутого окна потревожил листья филодендрона. Подошел менеджер – пожилой мужчина в вязаном полосатом свитере, с татуировкой «Рязань» на правой кисти и отвел в переговорную номер три. Здесь меня для беседы ожидала молодая девушка. В период полового созревания у нее воспалились сальные железы, и сейчас все ее лицо было покрыто фурункулами. Некоторые были просто красные, другие просто огромные. Белесый гной пульсировал в них и просился наружу, некоторые она выдавила, другие еще не дошли. Она с улыбкой поприветствовала меня, я же держался уверенно и немного равнодушно, все правильные ответы на вопросы я знал давно. Череда собеседований, словно карусель дьявола преследовала меня по ночам, все эти лица кружили в моей голове, сводили с ума. Все вопросы были заданы мне уже не один десяток раз. Помню однажды меня заставляли вступить в пенсионный фонд, в другой раз просили продать ручку, я ушел, забрав ручку с собой, а еще однажды провели через пять собеседований, а на шестом я получил отказ. Немного приспустив веки, я делал вид, что не рассматриваю ее лицо. Из тех взглядов, что она бросала на меня, каждый третий был особой температуры. У нее был мягкий, приятный голос и двигалась она, как надо. Плавная и текучая, как вода. Потрясающая женщина. Скорей всего умная, скорей всего интересная и глубокая. Лишенная проклятья красоты, она могла позволить себе уйти вглубь.

– И последнее.

Она выдержала паузу и посмотрела мне в глаза.

– Я вам нравлюсь?

Я встретил ее взгляд спокойно, видя перед собой только яростные синие глаза редкой красоты. В них бурлила жизнь, желание, неутоленная похоть.

– Нет, – четко произнес я.

– Отлично, вы проходите на второй тур.

Уж чего-чего, а жалости ей не требовалось. Должно быть, вся ее жизнь была пропитана лицемерным сочувствием, которое хуже любой отравы. Она собрала папки и пошла к двери, там она обернулась и снова зыркнула этими кусочками морского льда. Я чуть вздрогнул, потом немного посидел и вышел через ту же дверь.

Был понедельник. Утро. Долго поплутав где-то в районе Цветочной улицы и совершенно измучившись, я позвонил по выданному телефону. После долгих объяснений мне все-таки удалось найти нужный бизнес-центр. Я снова набрал номер.

– День добрый, пребываю на месте.

– Что видите перед собой?

– Кирпичную стену.

– Отлично, сейчас выйду.

Из центра вышел коренастый брюнет в красном свитере и очках, порывисто представился:

– Добрый день. Андрей. Прошу за мной.

Он со всей силы сдавил мою руку, выжав из нее сок, затем пошел впереди, указывая дорогу. Я плелся за ним, баюкая кисть. Мы подошли к двери переговорной, он достал большую связку ключей.

– Тэээк, какой из них, – задумчиво произнес он и начал пробовать все по очереди.

– Наверняка самый последний будет, – тут же нашелся я.

Так и вышло. Андрей посмотрел на меня тяжелым взглядом, открыл дверь и пригласил в переговорную. Мы зашли в небольшую комнату с аквариумом на пол стены и клеткой с попугаями. Андрей протянул мне листок бумаги и попросил нарисовать диаграмму цикла холодильной установки ALCR-2FES-2. Я с сомнением повертел в руках шариковую ручку, с тоской посмотрел на попугаев, на рыб, на Андрея, затем положил ручку на листок и подвинул к нему обратно. Я понятия не имел, о чем он.

– Как это не знаете? Это же основа нашего производства.

– Ну вот так.

Попугаи яростно зачирикали в мою защиту.

– Ну а какие фирмы производители вы знаете? Назовите десяток основных.

Я не знал никаких. Мне вспоминались формулы в четыре строчки, что-то о переходе тепла к более холодному телу, упругая Лиза Северова, сидевшая рядом на лекциях по Сопромату, пиво на парапете у метро, драки в бильярдных вместо занятий. Также я вспомнил полуподвальное помещение на нашей кафедре, где стоял местами проржавевший агрегат периода расселения восточных славян. Как назло, я тогда не догадался спросить, кто же изготовил его.

– А что вы вообще знаете?

– Компрессоры.

– Ну расскажите хоть про них.

Все на моей кафедре от аспиранта до профессора без умолку стрекотали о компрессорах. Это был главный фетиш, высшая точка знаний. Я рассказал довольно много. Я был хорош.

– Это все конечно здорово, но мы не занимаемся компрессорами в частности, только как часть целого.

Не трудно догадаться, что работу я не получил. Не уверен, но, кажется, что именно тогда я почувствовал свою никчемность. Мои опасения на счет бесполезности синей твердой книжицы подтвердились. Помню, как я сказал родителям, что хочу стать режиссером. Эта новость повергла их в шок и скрутила в жгуты. Я поступил на инженера и их скованные ужасом тела расслабились.

После двух таких замечательных, как я позже понял, предложений, пошла черная полоса. В каждом последующем месте меня пытались уделать, надуть, накрутить мне пейсы, наколоть, навешать лапши. Помню кадровое агентство, которое вынуждало меня оплатить учебные курсы, после которых я получу желанное место работы. Помню клоунов, предлагавших срубить денег, продавая новый чудо-крем из акульей задницы, их графики дохода, нарисованные маркером на доске, внушали трепет. Каждую неделю я снижал требования к будущей работе. Процесс затянулся до октября. И, наконец-то, удача мне оскалилась...

Квербит

В пятницу я шел дворами в сторону улицы Композиторов. Офис моей будущей работы располагался в дорогой новостройке коричневого цвета с личной батареей гаражей, и складов. После тяжелой недели с Кэт я выглядел уставшим, однако, ногти на руках я не забыл обрезать, да и причесанные волосы выглядели вполне сносно, отглаженная рубашка... Навстречу попадались женщины, мужчины реже, они чаще умирали. Утро понедельника не оставляло на этих дамочках тяжелого отпечатка. Свежие, умытые, грациозные, находящиеся в поисках счастья, которого нет и любви, которая совсем не такая, как в кино. Они резво вышагивали навстречу, улыбаясь новому дню, не замороченные тяготами познания мира. Тщетность бытия не давила на них тяжелым камнем. Такие восхитительно земные, гармоничные в своей природе.

Передо мной шла одна. Богиня, в масштабах этой улицы – рыжая до неприличия, слабо одетая, таящая опасность для мужчин. Ее походка дерзила всему миру. Ступня, лодыжка, бедро – каждая часть выстреливала в строго отведенный ей промежуток времени – неутомимая машина, созданная дьяволом. Как-то в школе на уроке физики нам показывали работу маломощного двигателя. Его поставили на парту и запустили. Двигатель все набирал обороты пока лаборанты трепали языками, а парта раскачивалась. В единый миг мы услышали хруст, и парта осела на пол с обломанными ножками. Неуравновешенные колебания разломали надежный кусок дерева. Эти сочные бедра могли бы легко разломать советский шкаф. Рыжие волосы мотались без передышки, словно кто-то уже терзал ее. Она повернулась, чувствуя сзади хищника, прочитала мое лицо, бросила надменный взгляд и пропала в зарослях сирени.

Триста тринадцатый офис находился примерно посередине дома. Я прибыл вовремя, дверь была закрыта... Рядом курил какой-то здоровенный мужик, ростом около двух метров и весом среднего автомобиля. Его голова напоминала огромный валун. При всем желании на нее невозможно было бы натянуть пробковый шлем покорителя джунглей. Я встал немного в стороне и набрал номер Владимира. Телефон не отвечал.

– Учился где? – спросил бугай.

– Было дело.

– А руками то умеешь что-нибудь делать? – не унимался здоровяк.

– Кое-что умею.

Ситуация настораживала. Я стал думать о современном рабстве, о рабах, которых держат китайцы на Дальнем востоке, о бомжах, которых свозят на Кавказ пасти овец за хлеб, воду и вечернюю дробку на тюке с грязной соломой. Какой-то глухой двор, хоть и богатого дома, чрезвычайно любознательный амбал, и руководитель, который отключил телефон.

«Тесак у меня всегда с собой, кому-нибудь да успею в жопу воткнуть» – так я подумывал, медленно отодвигаясь к выходу со двора.

Великан стал щупать телефон, пару раз набрал номер, но ответа не последовало. Он тяжело вздохнул, мелкий мусор покотился по земле прочь от его ног, в глазах появилась странная обреченность. Наконец-то неизвестный взял трубку.

– Вова, ты где?! – зло процедил верзила.

– ...

– Тебя человек ждет, Вова. Ты насколько ему назначил?

– ...

– А сейчас сколько? Да не девять, Вова, уже пол десятого! Ладно, приезжай...

Он убрал трубку в карман, достал золотой портсигар и закурил папиросу.

– Подождите немного, сейчас он придет, – почти ласково произнес здоровяк.

Как я узнал позднее, конторой управляла семейная чета Кабакиных. Элеонора Кабакина была главным финансистом. Ее муж-великан Георгий Олегович Кабакин являлся основателем

фирмы и главным идеологом. В далеких восьмидесятых, собрав группу рабочих, он занялся монтажом медных трубопроводов на кораблях. Работал по двадцать часов в сутки и через несколько лет добился признания, открыл свою контору и переориентировался на больничную деятельность. Сынок Вовочка Кабакин являлся главным деструктивным элементом предприятия, чумой и вихрем разрушения. Вова, согретаемый родительскими деньгами, вырос надменным избалованным толстяком. От матери он взял совершенную концентрированную наглость, умение врать в лицо и властные женские замашки. От отца большой рост и этим ограничился. Еще он любил мотоциклы и каждый месяц покупал новый экземпляр. Контора переживала не лучшие времена. Отец семейства с женой решили уйти на покой и вместо себя оставить Вову. Обладая способностью настроить любого человека против себя, он начал планомерно разрушать все, что удалось построить его отцу. В этот период я и появился.

Опоздав на час, приехал Вова. Кольхнув животом и потряхнув розовыми щечками, он пригласил пройти в офис. Офисом оказалась комнатуха, заставленная рабочими столами, за занавеской в закутке располагалась маленькая кухня.

Вова напряг кресло, я присел на стул. Он взял мой диплом, обмахнул им взопревшее лицо и сказал, что мне нужно хоть чему-то научиться, поэтому лучше стать монтажником. Моя заветная синяя картонка и здесь не была подмогой. Мне по-прежнему предлагали стать монтажником, чтобы хоть чему-то научиться... У меня в кармане оставался последний полтинник на проезд, выбирать не приходилось. Я дал утвердительный ответ, сжал руку Вовы и энергично потряс ее.

Мой приятель Морозовский тоже искал работу. Я позвонил и сказал, чтобы он срочно подъехал и побеседовал, и он поехал... Жаль, конечно, что он тогда взял трубку.

Выходные имели смутные очертания. В воскресенье в середине дня я лежал в кровати, в поту и что-то припоминал. Я уехал со свадьбы с этой девчонкой. Кажется, она хотела стать врачом. Выставляя напоказ свое ангельское личико, она сидела за два стула от меня и скромно потягивала вино. Я пару раз пошутил, пробуя почву. Так и есть, слишком хорошая для такого, как я. Короткие темные волосы, платье, мягкие черты лица. Она встала и прошла мимо, я смог разглядеть все подробней. Черт подери... Совсем неплохо для хорошей девочки.

Люди пестрили перед глазами. Какая-то сплошная суета и показное веселье. Родственники упражнялись в красноречии, сменялись блюда. Она вернулась и больше не смотрела на меня. Что ж, вполне ожидаемо, зато другая была рада, когда я касался рукой ее прохладного гладкого бока, наклонял и звякал горлышком о свой стакан. Я накачивался хорошим виски в запас.

Свадьба шла к концу, я плеснул себе, нашел немца и затеял с ним спор о боге. Мы прихлебывали из стаканов и рассуждали. Наверное, мы были похожи на двух собак, которые обсуждают своего хозяина, строят догадки, куда он уходит каждое утро и где торчит весь день напролет.

По моему запястью скользнула ее рука.

– Пойдем танцевать.

Я отставил стакан и принялся трястись, в такт музыке, будто в лихорадке.

– Здоров танцуешь, – сказала она.

– Знаешь, о чем мы говорили, пока не пришла женщина?

Она засмеялась.

– И о чем же?

– О боге. И зачем вообще все это.

– Ну и зачем же?

- Существуют гипотезы.
- И какая тебе нравится больше?
- Наверное, тот парень может создать все, кроме себе подобного и вот он сделал нас.

На вырост.

Я что-то еще говорил, она не слушала, просто смотрела на мои губы, рассматривала лицо. Только что она была на безопасном расстоянии, затем придвинулась и начала елозить по мне.

- Пойдем подышим, – сказал я.

Мы перешли в другую комнату и вышли на задний дворик. У бачков с мусором курили официанты. Я встал на ступеньку ниже, было скользко, она облокотилась на мое плечо. Я провел рукой по талии и впился в ее рот, она мне ответила. Мы стояли, поглаживая языки друг друга, официанты перестали курить. Посещение всего этого ритуального действия начинало себя оправдывать.

Я оторвался и сказал:

- Сегодня ты уезжаешь со мной.

В зале еще было полно гостей, она пошла танцевать, а я закончил спор с немцем, нашел отель и потянул ее к выходу.

Мы немного пошатывались, пропускали встречных, я прижимал ее к стене, пробуя на вкус снова и снова. Подъехала машина, мы сели, заиграл джаз. Дороги были свободны, водитель рулил, а ночной город отражался в лобовом стекле. Где-то на Петроградке я выбрался из машины, открыл ей дверь и подхватил под локоть. Мы зашли в один двор, потом в другой, обошли дом вокруг. Ничего похожего на отель... Наконец, в третьем дворе мы нашли не приметную дверцу и поднялись на третий этаж, оплатили номер и двинулись по коридору. Я щупал ее через пальто, она была не против.

Дверь долго не поддавалась, замок заклинило. Она стояла рядом, расстегнула все пуговицы и выставила ногу в чулке. Вблизи она была еще лучше, чем ожидалось. Я занервничал, стал потеть, хотел уже вышибить чертову дверь плечом, но вдруг замок поддался. Внутри был тесный номер, две узкие койки, ванная. Я снял куртку, повесил в шкаф, она швырнула свою на стол, затем медленно подошла, схватила меня за ворот пиджака и бросила на койку.

Прошел, наверное, час или больше, кровать все скрипела. Я лежал в полубреде, сжимал ее зад до синевы и видел, как эта ведьма с ангельским личиком выгибает спину верхом на мне. Койка была слишком узкой и моя дама все время задевала выключатель на стене. Во вспышках света я видел волосы, прилипшие к ее лбу, хищный взгляд и тонкие руки, которыми она то гладила свою шею, то впивалась мне в грудь. Эти картины, как фотографии отпечатывались на сетчатке моих глаз. Девчонка сняла меня, укатала и сверкнув бесподобной задницей скрылась в душе. Я лежал, хватая ртом воздух, подсвеченный уличным фонарем из окна, за стенкой шумела вода, в соседнем номере кто-то стонал. Через некоторое время она вышла в полотенце, поцеловала меня мягкими искусанными губами, оделась и ушла.

- Мне пора, – сказала она в дверях, – спасибо тебе.

До утра было еще совсем далеко. Я спустился вниз и взял себе бутылку дешевого бурбона, сидел, не включая свет, рассматривал узор теней на стенах. Во дворе кто-то громил мусорные баки. Я прихлебывал, пока рука не устала держать бутылку. Утром меня разбудила горничная и выпроводила восвояси.

Мы с Морозовским прибыли в офис в понедельник утром. Подошел Геннадий Олегович и прогудел из отверстия в своей огромной голове:

- Первую медицинскую помощь оказывать умеете?
- Нет.

- Про пожарную безопасность слышали?
- Не-а.
- С газовой горелкой когда-нибудь обращались?
- Разве что с духовкой, когда хотелось покончить со всем этим.
- Юмор мы приветствуем. Работали когда-нибудь на высоте?
- Всегда только так и никак иначе! – выпалил Морозовский.
- Я не об этом...

Он закатил глаза, набрал в грудь воздуха, раздувшись, как дирижабль и без пауз пробормотал.

– Пальцы в розетки не совать, лестницу придерживать, горелку направлять от себя, раненого не кантовать, горячие трубы не трогать, одевать спецодежду, ходить только в каске.

Мы расписались в журнале инструктажа. Вова опоздал на час, очень удивился, что мы не работаем, забрал водителя и мы поехали на наш первый объект. Нам выдали поношенную спецодежду, каски закончились...

СЗГМУ им. И.И. Мечникова, клиническая больница им. Петра Великого

Нас повезли в старом служебном ниссане на другой конец города. Это была выдавшая виды развалюха, длинная, приспособленная возить габаритные грузы. Я с тоской смотрел в окно, шел дождь, теперь у меня была работа.

Мы проехали через шлагбаум на территорию университета, протиснулись между красивыми зданиями, построенными до революции. Машина припарковалась возле шестого корпуса – дома в семь этажей, выкрашенного в желтый цвет. Вся стена была истыкана окнами. Кое-где на подоконниках нашли свой последний приют шершавые белые котелки тех, кому повезло меньше. Меня это взбодрило. От шестого корпуса Вова повел нас узкими дорожками в неизвестном направлении. Всюду мелькали белые халаты, слышался гогот студентов и переливчатый, как звон колокольчиков, смех студентов.

Рядом с газоперекачивающей станцией стоял старый полугрузовой опель. Лысый крепкий мужик бравого вида выгружал чемоданы. Вова нас быстро представил и, пройдя по клумбе, растворился в дожде. Это был Дима Босс – наш наставник. Он носил в ухе золотую серьгу, курил Мальборо и не имел дурной привычки сильно пожимать руки. Мы взяли два пустых шкафчика, лестницу, медные трубы, инструмент, крепеж, краску и втроем взлетели на шестой этаж. Нашей задачей на первый день было научиться собирать распределительный шкаф. Он представлял из себя белую коробку, в которой находились манометры для контроля давления в системе, а также запорная арматура и клапаны сброса. Дима был хорош, он не рвался в бой. Его подход ко всем вопросам и жизненным вызовам был степенным и продуманным. Около двадцати минут мы курили, размышляя на тему установки распределительного шкафа, еще пол часа ушло на поиск врача, ответственного за отделение. Врач оказался холеный и вычесанный, как породистая болонка. Всем своим видом походил на сволочь.

– Вы кто такие?

– Мы монтажники, пришли вешать шкаф с запорной арматурой, – сказал Дима.

– Я об этом ничего не знаю. Вы понимаете, что все, что происходит в отделении должно идти через меня, потому что я здесь главный. Нельзя повесить какой-то шкаф без моего ведома. Вы в грязной обуви! – завопил он, уставившись на наши рабочие ботинки.

– Дык.., – начал Дима, затягиваясь.

– Вы курите! – он взвизгнул и раскраснелся.

Я посмотрел сквозь него, Морозовский ногой отшвырнул свой окурок подальше.

– Айн момент, – сказал Дима Босс, взял телефон и набрал Вову.

Абонент был недоступен.

– Мы из Квербита, наше начальство должно было поставить вас в известность. Мы пришли, чтобы повесить чертов шкаф и всего делов.

– Да ну? А что, если я запрещаю вам его вешать? Заберете свое барахло и покинете мое отделение.

Он так старался... Бедный ебила не понимал, что нам наплевать. Время идет, монетки сыпятся в кошель – это называется оклад. По коридору в нашу сторону двигался представительный пожилой врач. Эдакий профессор медицины, никак не меньше. Он улыбнулся нашему наставнику, как старому знакомому.

– Здравствуйте, Дмитрий. Шкафы приехали вешать?

– Именно так, товарищ главврач.

– А проблем никаких нет? Сергей Олегович вам помогает? Способствует?

Профессор покосился на породистую болонку, которая тут же завиляла хвостом.

– Конечно, Максим Сергеевич. Обсуждаем куда лучше вешать. Я думаю на северную стену. И к выходу близко и к основной магистрали.

– Ну я рад, что все хорошо. А вы Дмитрий, обращайтесь по любым вопросам. Стесняться не нужно.

– Конечно, без проблем.

Хлыщ принял деловой вид и убежал вверх по лестнице. Профессор наклонился к Диме и тихонько сказал:

– Вы эту морду не слушайте, его брат проиграл тендер, поэтому по всем вопросам ко мне. Нам показали свободную кладовую и выдали ключи.

– Базируемся! – скомандовал Дима и мы занесли вещи внутрь, побросав вдоль стен.

Дима сноровисто трансформировал монтажную лестницу в стол, согнув ее буквой «П», затем вытащил из коробки новый шкаф, разложил инструменты, подкрутил редуктора на баллонах с газом. Мы созерцали молча, нужно было чему-то научиться, чтобы нас не вышвырнули в первый месяц. Тем более, что Вова обещал нам экзамен, который решит размер нашей будущей зарплаты. Нужно было поучаствовать.

– А нам то что делать?

Дима-босс вздрогнул, непонимающе обернулся с выпученными глазами.

– А вы чего здесь? Простава с меня что ли? Ну дают...

Он как-то поник, разочарованно отвернулся и стал с грустным видом переключать отрезки медной трубы. Повторения не требовалось. Через час дым вырывался из нашей каморки так, словно там горел рубероид. Мы расположились за столом-лестницей, Морозовский вытянулся на ящиках с инструментами, а я сел у окна. Разговор блуждал из угла в угол, стаканы позвякивали, рабочий день подходил к концу.

Карман наставника завершал сереной, мы как-то сразу уловили, что звонит начальство. Дима-босс поговорил пару минут, затем повернулся к нам.

– Значит, суть такая. Вова пожелал, чтобы вы сегодня еще научились вешать консоли, так что дуйте на Ваську, шкафы то вы уже знаете.

Пустой ящик без запорной арматуры аккуратно стоял у стеночки, рабочий день закончился. Мы сели в автобус и отправились на Ваську.

Покровская больница

На Покровке в этот поздний час работали монтажники из конкурирующей фирмы, специально приглашенные Вовой. Похоже, что наем новых работников за копеечную зарплату он считал слишком дорогим делом, поэтому платил в двойном размере халтурщикам, так как сроки сдачи объекта вышли за пределы разумного.

Стемнело. Мы пробирались вдоль красных корпусов, то и дело прячась в тени каштанов, берез и тополей. Люди уже разошлись по домам, чтобы немного отдохнуть от своих надсмотрщиков. Вся эта иллюзия важной деятельности прекратилась до завтрашнего утра и на улице дышалось легче обычного. Поздним вечером не сложно думать о чем-то большем. Мысль пробивает застывшую корку разума, когда перед глазами не мелькают рекламы, машины и угрюмые лица. Я думал о том, что творец, возможно, самое неразумное существо во вселенной, лишенное какого бы то ни было опыта, а вот у людей его навалом.

Лекарства, отчаяние, смерть, дешевая еда, измученные тела – все это вобрал больничный аромат. Лестница вела на третий этаж в новое хирургическое отделение. Ремонт шел полным ходом и собирался идти так еще очень долго. Сменив обувь, мы стали шнырять повсюду, и в одной из комнат нашли учителей. Первый был при усах, толстый, румяный, с прибором посередине, второй скорее походил на преподавателя из университета на пенсии. Умные усталые глаза смотрели безрадостно, он уже перевалил тот рубеж, когда мир вместо того, чтобы лежать

у твоих ног, ставит тебя раком и растягивает жесткими холодными пальцами твой рот, требуя подобия улыбки.

– Консоли пришли вешать? – поздоровался преподаватель.

Мы пожали руки.

– Да хотя бы посмотреть, – ответил я.

Морозовский хранил надменное молчание.

– Ну хорошо. Серега, покажи им, как разбирать.

Консоль представляла собой полутораметровую белую панель, которая имела выходы под разные газы, розетки, выключатели, лампочки. Консоль являлась финишной точкой всей газовой магистрали. Усач повел нас в другую комнату, там в шести ящиках лежало пять консолей, одна была прикручена к стене. Серега взял одну, положил на подоконник, маленькой крестовой отверткой открутил восемь шурупов и снял верхнюю крышку, затем сдвинул четыре большие круглые шайбы и вытащил клапана.

– Разбирайте все пять, а потом тащите к нам.

Усатый Серега поплелся обратно, затем развернулся в дверном проеме и добавил:

– Вот еще что! Наверх не суйтесь, во избежание..., – он резко провел ребром ладони поперек своей шеи и кивнул в сторону угла.

Мы перевели взгляд и немного забеспокоились. Весь пол в углу был залит кровью, мы заметили, что она красной дорожкой тянется к окну и поднимается по стремянке. На подвесном потолке было много кровавых отпечатков рук, многих квадратов не хватало, какие-то валялись на полу.

– Не дрейфьте, парни, – сказал Серега, – вы же не мудаки?

– Не замечал за собой.

– Тогда бояться нечего. Это был Эдик, кстати ваш коллега. Тот еще мудозвон... Полез, короче, Эдик наверх, трубу тащить, квадраты снять поленился.

Он ткнул себя пальцем в грудь.

– Хотя, дядя Сережа его предупреждал.

Он выудил из пачки папиросу, прикурил.

– Половинка уха в карман шлепнулась и руку до кости прорубило. На этом он успокоился. Тут же в больницу и лег. В смысле, в эту самую. Сейчас на втором этаже кайфует. Вова с перепугу хорошую оплату больничного ему выдал.

– Хотя бы так.

– Да вы не обольщайтесь, Вова потом вспомнил, что оформить его еще не успел, а значит не при делах. Деньжата Эдик назад конечно не вернет, долечится и уволится, а вы договор свой почитайте.

В воздухе разливался запах абсурда, такой родной и привычный для всех русских людей. Разобрать консоли оказалось делом плевым. Мы справились за десять минут, но дальше работа застопорилась.

Преподаватель подошел к стене и потыкал ее пальцем.

– Серега, я не понял, а где электрика?

Усатый тоже подошел, потыкал пальцем, приложил ухо и постучал сверху.

– Не знаю, Саня. Вова же сказал, что все выведено, помнишь?

– Помню, но это же Вова, нужно было самим проверить. Чую, мы с тобой просто так вечером потратили.

– Звони этому Вова. Нет! Лучше бате его, Олегычу, он хоть что-то может сказать.

Через два перекура и три звонка решили врезаться в стену.

– Чем я эту стену дырявить буду? Хуем своим? – надсаживался усач. – Вова, бля... Я взял определенный инструмент с собой... Ну... Залупу тебе... Ладно, вези, либо мы с Саней уезжаем через пол часа по домам!

- Что там? – вяло поинтересовался преподаватель, куривший, сидя на ящиках с краской.
- Сказал, привезет коронки. Ждем пол часа.

Пока Вова искал инструмент, я раскручивал мужиков на информацию. Что по деньгам? Что за работа? Скрывать им было нечего, и они охотно отвечали на мои вопросы. Подводя итог беседы, профессор сказал:

– Леня, вы ввязались в луду. Если продержишься хоть год в этом Квербите, сможешь работать где угодно.

Через полтора часа Вова привез инструмент. Строго настроено наказал нас, чтобы мы всему научились и уехал, взрыкивая новым байком. Мы опробовали три разные коронки. Они с легкостью прошивали гипсокартон, но не могли справиться с толстой металлической стенкой консоли. Усатый попробовал разные углы, нажимал всем корпусом, уменьшал обороты, но усилия его были тщетны.

– Хуйню купил, – резюмировал преподаватель.

Проводки за стеной тоже не оказалось. Профессор набрал номер Вовы. Абонент был недоступен. Усатый сплюнул нам под ноги и уехал, преподаватель попрощался и тоже отбыл. Мы переоделись и отправились по домам, в тот вечер я был так рад вернуться в свою халупу.

На следующий день нам сказали не приезжать. На объекте, находящемся в пригороде, случилось что-то серьезное и весь состав фирмы был поднят по тревоге, возиться с нами было некому.

Я сидел на диване с пивом в одних трусах, клавиши стояли на столе, покрытые пылью, писать не хотелось... Так часто бывало. Сидишь оглушенный и будто ждешь смерти. В целом ничего, если привыкнуть. Было уже за полночь, когда они ввалились в квартиру. Этот парень снимал порно. У него был зеленый галстук, совершенно бесцветные глаза и растянутые жабы губы. Его привела Кэт. Они оба были пьяны. Ник, так звали парня, увидев меня в трусах, дернулся назад к двери, но Кэт потянула его за рукав и силой усадила в кресло. Она скинула туфли и, со второго раза попав в дверной проем, исчезла в ванной. Для меня не составляло труда сидеть с человеком в комнате и не разговаривать, а вот Ник был явно не из таких. Он подергивал коленом, поглаживая подлокотник кресла, бросал на меня косые взгляды и мысленно подгонял Кэт. Наконец, он не выдержал.

– Меня зовут Ник. Я снимаю порно.

– Алексей.

Мы пожалели руки, его пальцы оказались холодными и липкими. Парень был настоящей жабой. Я сидел и прикидывал, насколько Кэт пьяна, что привела в дом этого доходягу. Она любила крепких мужиков.

– Давно вы с Кэт знакомы? – спросил я.

– Да всего лишь несколько часов, но это потрясающая женщина.

Тут не поспоришь. Я сходил к холодильнику и принес два пива, одно протянул Нику. Он вежливо поблагодарил и принялся возиться с пробкой. Он грыз ее зубами, пытался подцепить ногтем и все это время беспомощно озирался в поисках открывалки. Я взял его бутылку и отлепил пробку двумя пальцами, моя грубая кожа даже не скрипнула. Случилось так, что в жизни у меня никогда не было работы Ника, я всегда вкалывал физически.

Мы потягивали пиво в молчании, я закурил сигарету, щелкнул зажигалкой.

– Кто может добиться успеха в порно, а, Ник?

Он вздрогнул от неожиданности и тут же заверещал, боясь спугнуть мое расположение.

– Тебе правда интересно, Алекс? Я полагаю, очень многое зависит от данных. Хотя я видел девиц с совершенно плоской задницей и нулевым размером груди, но харизмы у них

хватило бы на толпу силиконовых кукол. Характер тоже важен. И, конечно, актерская игра. Она должна тебя обмануть, понимаешь?

– Ну это умеют все женщины. А что до успеха... Я думаю, что его может добиться только та девушка, которая и в обычной жизни делала бы все то же самое, только без прожекторов и денег.

– Вот как? Значит, ты вывел секрет успеха, приятель. Ты случайно не философ?

– Нет, я писатель, а ты уже уходишь.

– Чего?

Я скривил зверскую рожу и медленно поставил бутылку на пол. Ник слегка побледнел, но с места не сдвинулся. В дверях ванной показалась Кэт, из одежды на ней было только полотенце. Она все еще раскачивалась, капельки воды стекали по обнаженным плечам и растворялись в белой махровой ткани. Ее лицо без косметики выглядело так же прелестно.

– Мы с Ником идем спать, Лес. Спокойной ночи.

– И тебе, Кэт.

– Ник, ты идешь за мной, – проговорила Кэт и пошатнувшись, ухватила за мое плечо, затем оттолкнулась с таким видом, словно вляпалась в дерьмо, и направилась в спальню. Ник поднялся и пошел следом. Теперь я допивал пиво в одиночку и рассматривал кресло. После Ника остался отпечаток потной задницы. Настоящая жаба. Я влил в себя остатки и швырнул бутылку в стену. Дверь распахнулась от мощного пинка. Катрин валялась на кровати, уже совершенно без чувств, а Ник лежал сверху, пытаясь протолкнуть язык ей в рот. Его пиджак аккуратно висел на стуле. Увидев меня, он поспешно спрыгнул с кровати и выставил вперед свои ручки. Я усмехнулся, пытаясь сделать ухмылку зловещей. Ник был выше меня, но с тонкой кишкой, так что достаточно было просто его запугать. Я поднял его пиджак и засунул руку в карман. Внутри оказалась сотня, какие-то телефоны, пара визиток. Я забрал себе сотню, остальное швырнул на пол. Ник так и стоял рядом, жутко напряженный и взвинченный, готовый отразить мой бешеный натиск.

– Тебе пора домой, Ник, – я посмотрел ему в глаза и швырнул пиджак в лицо.

Ник тут же замолотил руками. Я не торопясь зашел сбоку и хрястнул кулаком, целясь между карманом и пуговицами. Ник упал и откатился к столику. От страха он не мог справиться с пиджаком, и я ударил еще два раза вслепую, нога находила цель. Ник выл и скрежетал ногами по линолеуму, пытаясь уползти.

В этом не было чести и даже веселья. Я сдернул пиджак с его лица, Ник тут же вскочил и бросился к выходу. Дверь была открыта, и через секунду он исчез из моей жизни. Я открыл окно и выбросил пиджак наружу. Ветер подхватил его, расправил рукава и плавно опустил перед входом в дом. Я закрыл окно и прошел в спальню. Катрин лежала в той же позе, я раскатал полотенце, укрыв ее и снова сходил к холодильнику за пивом.

Мы с Катрин протянули еще два месяца, за это время я вышвырнул трех парней. Я понимал, почему она приводит их ко мне. Кэт легко могла пойти к любому из них, тем более, что многие были вполне обеспечены. Ей нравилось играть со мной. С маниакальным упорством она пыталась разжечь во мне ревность или хотя бы злость, а я упорно не выходил из себя и продолжал делать вид, что мне плевать на то, что она спит с кем попало. Быть может, если бы я, хоть раз вышел из себя и залепил ей хорошую пощечину, она бы осталась, но я так не сделал.

Мой путь до любой работы всегда был долгим. Чертовски ранний подъем. За окном темнота и силуэты деревьев. Каждое утро я отправлялся пешком через лес в сторону железнодорожной станции. В темноте я шел по асфальтовой дороге половину пути, следующую половину по тропинке, что змейкой виляла среди деревьев. Яркий луч фонаря освещал на два метра впе-

ред, но большой нужды в нем не было, спустя столько лет я уже мог пройти этот путь с закрытыми глазами. Чаще всего я выходил слишком поздно, поэтому оставшиеся двести метров бежал один на один с электричкой. Зимой было сложнее. Снег сковывал движения и забивал ноги. В расстегнутой куртке, в поту я выныривал из утреннего мрака на освещенную фонарями платформу. Частенько машинисты терпеливо дожидались меня, пока я несея через покрытую льдом станцию к последнему вагону. Это были в основном хорошие парни.

Так с утра, в полутемном вагоне, среди пьяниц и обреченных, я проглатывал строчки великих, отключаясь от внешнего мира под стук колес. Поезд шел сорок минут. Я выходил в Девяткино и сразу оказывался в метро. В зависимости от места работы я ехал от тридцати минут до часа. Мигающие лампы в вагонах и на платформах были чем-то вроде постановочного света на съемочной площадке моей жизни. Затем, стоя на остановках, я дожидался наземного транспорта. Чертовы больницы никогда не располагались рядом с метро...

В этот раз я ждал трамвай. Рядом с мусорным баком яростно дрались голуби. Горбушка белого хлеба лежала рядом и была такой манящей, но слишком маленькой для всех. На поле битвы появился новичок, он легко оттолкнулся от ближайшей крыши и спикировал к месту схватки как коршун. Мощная белая грудь сшибла двоих, еще одного настиг прочный клюв. Все остальные, сохранившие остатки разума, бросились врассыпную. Гигант неторопливо принялся кромсать горбушку. Его широкий клюв охватывал целые горы белого хлеба, а мощная шея покорно раздвигалась, пропуская внутрь кусок за куском. Проигравшие подсакивали и клевали отлетающие крошки. Гигант лишь гневно вращал глазом и предостерегающе щелкал острым клювом. Наконец с горбушкой было покончено. Белогрудый прошествовал сквозь толпу сородичей и устремился к мусорному контейнеру, нервно потряхивая крыльями. У бака он будто бы что-то вспомнил, встрепенулся и ринулся назад. Добежав до стайки неудачников он со всей силы долбанул самого хилого по голове. Бедняга пронзительно застрекотал в последний раз и, прокрутившись на когтистых ножках, рухнул на землю. Из головы била кровь, пачкающая снег и перья. Гигант три раза повел головой взад-вперед и удалился, остальные разлетелись по соседним крышам в ожидании следующей горбушки.

Я вспомнил, как читал статью о том, что голуби – это единственные птицы, убивающие себе подобных ради удовольствия. Нам людям нашлось бы, о чем перекинуться с ними парой словечек.

Подождал мой трамвай, я вскочил на подножку, отодвинув наглого маленького мужичка с длинным носом, затем присел на желтую скамью, ловко попав между двумя ледяными полосками металла, и сжал зад, чтобы он помещался только на ткани сиденья. Утренние заморозки давали о себе знать. Мужик отыскивал свободное место, обрадовался лежащей газете и развернул ее. Подошла дама-кондуктор выбила билет и отобрала свою газету.

– Нечего, – сказала она.

За окном уже светало, безрадостных лиц прибавилось, начинался новый рабочий день. Я вышел рядом с цветочным ларьком и поспешил к своим. Вся малая банда была уже в сборе, даже Морозовский не опоздал, но Вовы не было... Проживал он в том же доме, где располагалась фирма, более того, в той же парадной, только на десятом этаже. Первое время я предполагал, что его опоздания – часть образа крутого босса, который приходит на работу в нужный ему момент, а не в девять, как все остальные, но на самом деле Вова просто был болваном. В этот день нас разделили.

– Я вас разделяю, – сказал Вова

Дима-босс с Морозовским поехали в [НИИ скорой помощи им. И.И. Джанелидзе](#), я с Димой-водителем по каким-то не ясным делам фирмы, Вова поехал покупать новые крылья для мотоцикла, хотя следовало бы новые усиленные рессоры.

Дима-водитель был парень что надо. Лет пятидесяти пяти с густыми усами и седыми волосами средней длины, которые сами ровно укладывались у него на голове. В толпе я бы принял его за художника. Он получал сущие гроши, но жил за два дома от офиса. Заваривал себе кофе каждое утро, выходил на балкон и смотрел на офис Квербита, такой ненавистный, но близко расположенный.

– Я работаю здесь уже шесть лет и с каждым годом только хуже. Олегыч на покой уходит, слышал? Ага, ну теперь пиздец.

Шесть лет... Как я понял позже, крепких нервов был Дима-водитель. Кто-то вроде него сидит глубоко под землей в бункере рядом с кнопкой пуска ракет.

– Ты в армии служил, Леня?

– Не довелось.

– Мой сын тоже. И хер бы с ней!

Он непрерывно курил, зло сжимая сигарету в зубах, маневрировал в потоке машин на своей длинной лодке и потчевал меня всевозможными историями.

– В армии я тоже водителем был. ЗИЛ старый водил, ремонтировал постоянно. В казарму только поспать заглядывал. Помню как-то подходит ко мне прапор Семечка: «Я с командиром договорился, едешь со мной, заводи свое корыто». Ну закрыл я капот, завел, поехали. ЗИЛ потряхивает постоянно, прапор за ручку кожаную держится и его мотает из стороны в сторону, как припадочного. В кабине натурально туман... Тогда все в армии пили, как лошади. Я помалкиваю, да стекло лобовое рукавом протираю. Выехали за поселок, остановил я. Прапор сразу дверь открыл, проблевался, рукавом вытерся и дальше едем.

Дима ловко влез между двумя автобусами, затем сменил полосу и развернулся через сплошную.

– Так вот, едем дальше, прапор фляжку достал, хапнул половинку, порозовел. Поле началось, выезжаем за поселок, а там развилка, прапор мне направо машет. Хозяин – барин, заехали в лес. Лето, понимаешь, птички поют, душевно очень. Прапор свой коньяк сосет, я радио слушаю, закурил... Тут прапор коньяком поперхнулся, руками замахал: «Ты че, баран, гонишь! Назад сдавай, хуепутало!». Сдаю потихоньку и вижу дорогу, всю в зарослях, но широкую. Как тут заметишь?

– Полагаю, что никак.

– Вот именно! А прапор закурил, на сиденье облокотился и ручкой своей пухлой вперед указывает. Минут пятнадцать ехали через заросли, я уж весь извелся. Потом на поляну выкатили: сосны там, осины и прочее. А посреди поляны знаешь, что?

– Боюсь предположить.

– Фургон, бля! Ржавый порядочно, но камуфляж просвечивает на бортах и накрыт камуфляжной сеткой. Ну я машину глушу, выходим. Обошли вокруг, а там из задней стенки фургона провода выходят прямо в землю. Каждый с руку толщиной, целый моток. «Понял? – говорит прапор. – Меди там до жопы и в самом фургоне, я думаю, тоже имеется. Тебе за труды поставлю что-нибудь, а ты никому!»

Дима прикурил новую сигарету от старой и заложил лихой вираж через три полосы.

– Я ему говорю, что только, мол, в приказном порядке, ваше благородие. «Окей, мудила! – орет прапор. – Солдат Филиппов, приказываю прицепить фургон и отвезти в указанное мной место» Хозяин – барин. Цепляю фургон, запрыгиваем в кабину, газую. С первой на вторую перехожу, ЗИЛ трещит весь, колеса говно месят, а фургон только на месте покачивается. Прапор орет, кулаком меня в плечо лупит. А смысл? Встали и все тут. Ну берет Семечка топор, китель расстегивает и бегом за фургон. Только вот до конца он не добежал. У вагончика распахивается дверь и оттуда выскакивает ошалевший лейтенант в таком же расстегнутом кителе, только опознавательные знаки чудные, я таких никогда не видел. В одной руке ТТ, лицо блед-

ное, трясется, а за ним солдатик с автоматом. Серьезный такой, весом под соточку. Прапор топор кинул и в лес убежал.

– А ты как?

– Я то? А я отцепил машину, покурили постояли, ну и в часть поехал. Оказалось, что там был секретный узел связи, про который только командир части и заместитель его знали. Взяли подписку о неразглашении, а прапор через три дня сам из лесу вышел, как первобытный человек.

Мы приехали на склад стройматериалов в районе метро Парнас. Дима по-хозяйски подъехал вплотную к пандусу мимо всех машин, ожидающих выдачи. Сидевшие кучкой азиаты зашумели, но он игнорировал их с высокомерием дворянина. Подбежал грузчик, Дима швырнул ему свой талончик и лихо запрыгнул в кузов.

Подсобники в течении часа таскали связки медных труб, а мы с Димой прилаживали на верхних стойках. Я взмок и проголодался, я хотел пить, я хотел бабу и быструю машину. Мчаться с ней в закат или в восход подальше от этих медных труб. Затем мы съездили в пару магазинов, и завернули в гаражный кооператив на базу Квербита. У Димы зазвонил телефон, он долго что-то выслушивал, потом прорычал любовное признание в трубку и спросил:

– Ты женат?

– Нет.

– От молодца! Голова!

В Каменке я проломил лед на луже и облил дерево. Мы разгрузились и покормили кота, который жил тут же в гаражах. Дима отдал ему свой бутерброд, а кофе из термоса мы выпили на двоих. Затем мы вернулись в офис, день подошел к концу. Как провел его Морозовский, было одному богу известно...

НИИ скорой помощи им. И.И. Джанелидзе

Рано утром мы стояли возле метро Парк Победы. Мимо проходили люди, мы рассматривали женщин, красивых было хоть отбавляй. Однако, только одна или две из всей этой толпы могли заставить мужчин прыгать с обрыва, голодать, убивать... Обычный роман всегда проходной и умеренный, без лишней драмы, без надрыва. Знакомство, свидания, секс, дети, может быть ревность, может быть влезть по трубе к ее окну. Кэт стоило только зайти в помещение, и все обладатели мужских хромосом оставляли свои семьи и бежали за ней в адское пламя. Вряд ли она понимала, почему так происходит. Дар богов, дьявола или набор феромонов, кому как больше нравится. В моем случае, в таких, как Кэт не было нужды, меня и так доводили до исступления самые обыденные вещи: то, как она поправляет задрвшую юбку или, как сражается с ветром за свою прическу, распущенные волосы, красная помада, полоски от купальника, платье, что мотыляется из стороны в сторону при ходьбе, профиль лица на фоне заката. Никто не ведет статистику, но я уверен, что сползшая с плеча бретелька погубила больше мужиков, чем любая война.

Мы торопились, двигаясь задворками к НИИ им. И.И. Джанелидзе – нашему второму объекту, а выше по склону у гаражей сидел бездомный в драной красной рубахе. Он только что проснулся и недоуменно тер глаза кулаками, рядом догорал костер. Этому парню торопиться было некуда. Бомжи – единственные настоящие антисистемщики. Ни документов, ни жилья, ни работы, ни налогов, местоположение отследить невозможно.

Мы ждали Диму до вечера, и он приехал. Все заведующие уже разошлись по домам, пришлось временно разгрузить машину в помещение с кислородными баллонами и разойтись.

Стояла поздняя осень, но без дождей, с солнцем и всеми этими красивыми листьями. Повсюду свобода, ветер шумит, а ты встаешь засветло и приезжаешь затемно, потом спишь в

выходные, пьешь и пытаешь понять, что вообще происходит, но додумать не успеваешь, снова пора вставать на работу. То, что ты заработаешь за месяц, кто-то потратит на ужин. Тебе швыряют ровно столько, сколько хватит до следующей подачи. На рывок никогда не хватит.

По утрам, когда я входил в лес и шел до станции, ранние солнечные лучи, пробившие ветки, освещали мое лицо. Под ногами хрустели листья, иголки, дорогу иногда перебегали белки, птицы стрекотали высоко в кронах. Снег еще не выпал. Рядом не было ни одного человека, ни одного дома. Растения, животные и прочие живые существа – это жизнь, а люди – какой-то нелепый отросток. Мы, как придурковатые младшие братья животных. Наверное, им за нас стыдно.

Обычно от трамвайной остановки я шел пешком. Железная ограда опоясывала больницу, а где-то на задах, напротив морга располагалась калитка, которую я открывал каждое утро, слушая ржавый скрежет. Дальше через зеленую дверь с кодовым замком, по ступенькам до длинного коридора с цветами, мимо гувернанток для трупов, сквозь Патологоанатомическое отделение. Всегда чересчур насыщенный запах нафталина и гноя, экскрементов, мертвых тел и беспредельного спокойствия. В этом отделении я всегда слышал музыку из репродуктора. Руки и ноги мертвецов приветливо раскачивались, я говорил: «Привет, ребята, наверное, уже скоро». Каталки обычно располагались в полнейшем беспорядке. Иногда самых навязчивых усопших приходилось отодвигать с дороги. Гувернантки равнодушно наблюдали, попивая кофе из красного термоса, и ели бутерброды с колбасой. В конце смены я выходил через главные ворота.

Эта больница была не самым плохим объектом. Молодые медсестры в белых халатах, чистые, светлые коридоры. Нам нужно было постоянное помещение. Я отправился искать сестру-хозяйку. Выглядела она дерзко: много пирсинга, короткая стрижка, холодный взгляд.

– Ты не красивый!

– Для мужчины это не важно.

– У меня парень – хирург! – говорила она, но я не слушал, расстегивая белый халат.

– Так что же теперь, мне нельзя тебя пощупать?

– Ты сам то как думаешь?

Она отпихивала меня, упираясь маленькими кулачками в грудь, но не произносила заветного «нет». А тем временем халат уже расстегнут, я вижу чулки и загребаю рукой все, что мне нужно. Я, как животное, беру свое, она сопротивляется до конца, но, раз уж я видел так много, какой смысл сопротивляться дальше? Женщины...

Мы были молоды, но уже хапнули жизни, мы ходили, высоко закатав рукава, поднимали тяжести, много курили и общались грубыми голосами. Наши руки бугрились, а взгляд уже давно затвердел. Медсестры постоянно забредали в наше отделение, хотя здесь уже полгода шел ремонт, молодые врачи скрежетали зубами, но на открытый конфликт не шли. Поклонницы вернуться к ним, когда мы уедем. Всем своим видом мы показывали готовность к короткой жестокой драке, без такой приправы женщины теряют половину своего обаяния.

Мы включали лазерный уровень, который рассекал стены ровными красными линиями. Морозовский размечал, я сверлил дыры, вместе прокладывали трубу. Пайкой занимался Дима-босс. Однажды он устроил урок для нас. Весь пол покрылся каплями припоя, с лестницы свисали застывшие сосульки, в одном месте мы даже прожгли стену. На этом урок закончился. И тем не менее мы должны были превзойти ученический уровень, чтобы сдать экзамен и получать больше. Вова любил повторять:

– Я сам пять лет работал монтажником, знаю все от и до. Меня не проведете, если что.

Или же:

– Пайку я знаю в совершенстве, приходилось и зимой паять. Здесь много тонкостей, флюс не всегда есть, припой бывает говно.

Бывало и так:

– Видите пальца нет? (У Вовы не хватало безымянного пальца на правой руке) Это тоже на работе произошло. Кислородный баллон прорвало, оттолкнул его от бригады, вот палец и тю-тю.

Как-то мы сели обедать в подсобке. Еда парила в пластиковых контейнерах, кипятился наш походный чайник, в окно светило солнце.

– Вова то? – говорил Дима-босс. – Он работал, чистая правда. Может быть и пять... Со мной лично три года. Помню ездили мы уже в глубокую ночь монтировать кислородную станцию.

– Зимой?

– Ага, зимой. Мороз был. Короче пальцы не гнуться, припой – говно, горелка гаснет, а трубу нужно греть, мама не горюй, в мороз то. Заебешься, смекаете?

Он сделал паузу, пытаясь запихнуть в рот, набитый картошкой, кусок котлеты. Часть картошки высыпалась обратно в контейнер.

– Сделали конечно, – прошамкал Дима. – Вова пока в машине дрых и не мешал, все сделали.

– А палец?

– Какой палец?

– Безымянный.

– Ааа, это. Да ездили мы как-то в Горелово. Вова забыл ключи от бытовки, где весь инструмент, за которым мы и приехали. Назад двигаться не вариант. Делать нечего, полез в форточку своей огромной тушей и наверхнулся, а кольцом на пальце зацепил за раму, вот ему палец и срезало, как ножом. Золото – мягкий металл, салаги. Я свое не ношу.

Наша жизнь устаканилась. Каждый следующий день стал похож на предыдущий. Я работал и искал вдохновение везде, где только можно, даже пайка труб, которая все больше нам удавалась, теперь приобрела какой-то романтический оттенок. Больницы мне представлялись такими местами, куда люди приходят за надеждой, но чаще получают холодное тело. За рабочую смену мимо нас их провозили великое множество. Розовощеких, орущих младенцев везли стопками в противоположном направлении.

Я шел по своему городу по пути с ветром. Мне всегда хотелось увидеть его с пустыми улицами, без единого человека, оказаться на перекрестье взглядов темных окон, которые ровными рядами тянулись вдоль Каменноостровского проспекта. Спина неприятно дрожала, когда я себе это представлял, холодели пальцы... Только так смогло бы проявиться истинное лицо города Достоевского, но человеку не дано вынести такого присутствия. Мрачный довлеющий взгляд приколачивал меня к земле даже в моем воображении. Я чувствовал, как мое горячее сердце замедляет свой обычный ритм, сжатое сотканной из серого тумана огромной рукой. Такой туман всегда приходил на рассвете, я видел людей, что выныривали из него измененными, чуждыми самим себе. Этот город никогда не был городом дворцов и пышных приемов, только по названию и только снаружи. Его внутренности были наполнены ножами в переулках, ядовитыми сточными водами и пьянством под музыку вьюг и вечного дождя. Тот дождь наполнял стаканы, а смог заводов оседал злым зельем в курительных трубках. Слабые духом глупцы называли этот город мрачным, навевающим мысли о смерти. Правда в том, что здесь могли жить только те, кто способен пропускать скорбь мира через свою душу. Сильный духом когда-то привел сюда людей с топорами, которые согнали с болот нечисть, вырубил леса и укротили реку, построили дома и заложили свои кости в фундамент этого города. Иногда, в порывах ветра можно услышать вой утопленников, крики раздираемых кнутами преступников и пьяный хохот падших женщин.

Я зашел и заказал три порции виски. Один стакан оставил пустым тут же на стойке, взял два оставшихся и сел за свободный столик. Сегодня я любил виски всей душой. Сегодня его подавали три по цене двух. Стены бара подрагивали от дыма, смолили все без исключения. Можно было не доставать табак и бумажки, просто задрать голову кверху и сделать пару мощных тяжек. Я сидел за столиком, привалившись к стене, так называемая реальность подрагивала и искрилась, кое-где местами я видел дыры. Это было похоже на обои, которые отслаиваются от стен. Мы все находились внутри дешевых декораций. Я с силой зажмурился и помотал головой, затем открыл глаза. Реальность перестала мерцать, а напротив сидела женщина. Ее черные волосы располагались, как будто бы хаотично, однако, чаще всего такая небрежность создается долгими часами у зеркала, черные густо подведенные глаза, серьга в носу. То, что надо, я даже не сомневался.

– Ну и, чего ты пришел сюда? – спросила она.

– Могу тоже самое спросить у тебя.

– Не-не, погоди. Я тут бываю через день, да и вообще... А такие, как ты не проводят время с людьми.

– Уверена?

– На все сто, милый.

– Ладно, раскусила.

– Ну и, чего приперся?

– Решил разбавить свой досуг и в этот раз не напиваться в одиночку. Такая женщина для этого подойдет.

– Так-то лучше. Буду считать это комплиментом.

Мы заказали еще, потом еще, потом у меня кончились деньги, а она сходила за пивом. Я закрутил две, и мы покуривали, болтая ногами под столом. Ее ступня скользнула по моей лодыжке и выше, еще выше. Я почувствовал, как ее маленькие пальчики поглаживают мои яйца. Мы докурили, и она переместила свои гладкие бедра поближе ко мне. Она была красивой и на вид дорогой. Такие крошки были не про мои дырявые карманы, но мало ли красивых чокнутых женщин? Чертовски мало, но мне повезло.

Такси домчалось нас за пол часа, мы поднялись на этаж, я отпер дверь, швырнул куртку в сторону, снял ее пальто и бросил туда же. Прямо на входе стоял маленький холодильник, я открыл его и достал початую бутылку джина, хлебнул из горла и решил не убирать. Мы сразу сплелись, я ворочал в ее рту языком, и мы потихоньку перемещались в комнату. На ней было немного одежды, казалось, я сдернул все одним движением, бросил ее на кровать, затем лег сверху и впился зубами ей в шею, она вскрикнула и прижалась плотнее. Я спустился рукой вниз, простынь под ней уже стала влажной. Я навалился сверху и вставил слегка, только чтобы поиграть. Она закусила губу, начала извиваться, пытаясь поползти на мой корень, но я прижал ее за шею к кровати, наблюдая восхитительное бессилие, еще чуть помедлил и мощно толкнул, насадив ее, как на шампур. Она охнула, но приняла все без остатка. Я стал неспешно накачивать ее, слушая хриплое дыхание. Неожиданно ее когти впились в мой зад, я дернулся от боли, но она обвила мою спину ногами, не давая сбежать. Я стал долбить, что есть силы, чувствуя, как она сжимает меня внутри. Продержавшись еще немного я взорвался внутрь и немного полежал на ней, затем скатился и сходил за бутылкой. Она пошла в душ, вернулась и прильнула к моему боку. Мы выкурили по одной, я хорошо приложился пару раз, бутылка упала на кровать, и я уснул.

Утром меня разбудил какой-то шорох, я разлепил один глаз наполовину, наблюдая, как моя дама роется в ящиках стола, в моей куртке, на полках. Я смотрел, как она на цыпочках прокралась к входной двери, держа в руках туфли и мой пустой бумажник. Щелкнул замок, и я снова заснул.

Мы уже около месяца проводили кислород в аппараты искусственного дыхания. Работа была плевой. Повесить крепеж, спаять пару труб. Обед. Спаять пару труб. Дом, стакан джина, клавиши старого ноутбука. Мы работали и ждали, что нас поимеют. Контора была частной, начальник был полным мудаком. В любой момент нам могли показать на дверь и подпнуть под зад для скорости.

Наш наставник – он настоящий кладезь поговорок.

– Руки золотые, аж по локоть, – говорил Дима-босс, выворачивая из стены здоровенный кусок.

Мы с Морозовским принимали кусок и подавали перфоратор.

– Не везет, так с детства, – говорил Дима, отшвыривая гнутую трубу.

Так проходило время до обеда. Мы разогревали еду, шли в столовую, занимали стол у окна. У меня было что-то такое, что поможет не умереть с голоду и не более того. Я убеждал себя в том, что жизнь без излишеств позволит мне ясней видеть картину мира, откроет для меня умение читать в душах людских. Из контейнера Морозовского выглядывало какое-то сложное блюдо с пряными томатами. Он жил со своей матерью и тетей – двумя безработными женщинами, упражняющимися целыми днями в готовке.

Зашли трое из бригады скорой помощи. Такие бригады содержат в себе нормальных мужиков. Они чем-то похожи на нас. Монтажники среди врачей. Даже их спецовки такого же синего цвета, как наши. Первый из них мог бы поднять меня высоко над полом одной рукой – здоровенный парень. Его напарник – маленький и шумный с ярко-рыжими волосами. А третья – девушка со светлыми локонами, очень миниатюрная и хрупкая. Сутки кончились, все трое смертельно уставшие, еле ворочали ложками, почти не разговаривали и не смотрели по сторонам. Сегодня сядут в трамвай и поедут к дому, сегодня спасли пару десятков человек.

День закончился, мы разошлись в разные стороны. Лил дождь, такой ненавистный и привычный для нашего города, я брел один, сочувствуя людям, особенно женщинам. Что бы они не натворили, их жизнь печальней. Мало того, что природа одарила их гормональным безумием и привязала колючей проволокой к репродуктивной трубе, так еще и красота – одно из немногих, что дает им уверенность, силу и власть – очень капризный подарок, которым еще нужно уметь пользоваться. Годам к 40 уже мало от какой мало чего остается, а в 60 это тихая, добрая старушка, либо старая ведьма, лишившаяся силы, которая все еще помнит, как двое подрались, чтобы решить, кто ее будет провожать после работы. У мужчин остается больше. Я вспомнил, что завтра смена и ускорил шаг. Сучий дождь хлестал мне в лицо.

То, что можно было сделать в отделении до начала ремонта – мы сделали. Дима-босс пару дней пытался собрать ящик, а мы продолжали учиться пайке. Дима потел в одиночестве, резал бесчисленное количество маленьких трубочек, примерял, матерился, паял, снова примерял. По прошествии трех дней ящик был готов. Мы повесили его на стену и с трепетом ждали дня врезки.

Главный кислородчик, главный врач, руководитель отделения, главный электрик – комариная стая, у которой нужно было получить разрешение. Выбирается день и время и, примерно, на двадцать минут по всей больнице перекрывают кислород. Если все же находятся желающие хлебнуть этого лакомства даже в день врезки, как, например, больные в коме, то для них приносят небольшие баллончики и подключают местно. К тому, моменту, когда кислород перекрыт, действовать нужно быстро, поэтому подготовиться следует заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.